

18+

ШПИОНСКИЙ РОМАН

АЛЕКСАНДР ШАБАШКЕВИЧ

ДВАЖДЫ
УБИТЫЙ

Александр Шабашкевич

**Дважды убитый.
Шпионский роман**

«Издательские решения»

Шабашкевич А.

Дважды убитый. Шпионский роман / А. Шабашкевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-652372-2

События романа разворачиваются в последние дни СССР. Конец горбачевской перестройки, беспокойное и голодное время. Перспективы безрадостны: казна пуста, Союз трещит по швам, экономика в тупике. И тогда правительство решается на отчаянный шаг — наладить канал контрабанды алмазов в обход международных правил. . . В романе есть все элементы детектива: спецслужбы, махинации финансистов, девушка со сложной и яркой судьбой, агенты КГБ и политические интриги, а главное — уникальный дух времени.

ISBN 978-5-00-652372-2

© Шабашкевич А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1.	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дважды убитый Шпионский роман

Александр Шабашкевич

Редактор, корректор Михаил Ивановский

Художник Влад Ланин

© Александр Шабашкевич, 2025

ISBN 978-5-0065-2372-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. «Алмазные звёзды»

Глава первая

Вороны, встревоженные звуками неожиданно грянувшего духового оркестра, так низко пронеслись над раскрытыми могилами, что пятилетняя Настя испуганно ткнулась в подол матери. А когда музыка закончилась, осторожно высунула нос и огляделась. Люди были большими. Даже очень большими. Или ей так показалось?

Сгрудившись вокруг двух гробов, они насупленно слушали оратора – роботообразного дядьку в черном костюме. Настя почти ничего не поняла из того, что он говорил. Или не запомнила. Только обрывки фраз: «Они были на передовом рубеже борьбы за социализм...», «Проявили мужество и героизм, защищая братский народ Чехословакии...», «Вечная память...». Что-то в этом роде.

Она не понимала. Настя только удивлялась, что дядька этот говорит, обращаясь и не к собравшимся людям, и не к тем, кто лежал в гробах. Он обращался к огромной фотографии, на которой были двое: чуть смущенно улыбающийся отец и незнакомый блондин в военной форме, напряженно глядящий перед собой. Точно такую же фотографию, только маленькую, Настя видела дома. На обратной стороне надпись была такая крупная, что даже она смогла прочесть: «Другу Илье Шелепинскому от Сергея Дорохова». Но живым этого папиного друга Настя никогда не видела.

Отец лежал в гробу совсем как живой. Только не разговаривал. И не шевелился. Также он замирал, когда, не желая играть в прятки, лежал на диване в своем кабинете и притворялся спящим. Тогда Настя изо всех сил дергала за руку до тех пор, пока папа не открывал глаза. Поэтому ей и сейчас захотелось подойти и дернуть отца за руку.

Но мать крепко прижимала ее к своей ноге, точно так же, как стоящая рядом женщина в черном платье – угрюмого мальчика, время от времени повторяя ему: «Не плачь, Игорек, не плачь».

Но мальчик и не думал плакать. Он смотрел исподлобья на людей, дергал носом и щурил глаза: все еще яркое августовское солнце, прорываясь сквозь верхушки кладбищенских елей, било прямо в него. Он не плакал. Он был серьезен. До того серьезен, что Настя не выдержала и показала ему язык.

А потом знойный московский август взорвали автоматные залпы салюта. И она заткнула уши.

* * *

Из донесения майора Аверина:

«...августа 1968 года утром в пригороде Праги Рузина, недалеко от аэродрома, в автомобильной аварии погибли майор спецподразделения КГБ СССР Сергей Дорохов и собственный корреспондент газеты «Правда» в Чехословакии Илья Шелепинский. Семья Дорохова (жена Надежда и семилетний сын Игорь) отправлены в Москву первым утренним бортом. Документы Дорохова и Шелепинского отправлены с ними же в опечатанном пакете. Жена Шелепинского Софья и дочь Анастасия находятся в Москве, и о смерти Ильи Шелепинского пока не оповещены.

Начальник полевой канцелярии особого отдела бригады майор Н. Аверин»

* * *

Уже потом, через несколько лет, маму и Настю пригласили к отцу на работу, в редакцию газеты «Правда». Им торжественно вручил круглую жестяную коробку с киноплёнкой главный редактор в присутствии строгого молодого человека, который представился майором Калягиным. На вид ему было лет тридцать.

У мамы дрожали руки. Она, ничего не понимая, вопросительно глядела на главного редактора широко раскрытыми глазами, в которых Настя читала страх. Мама давно уже ничего не боялась, и тому же учила Настю. Но тут что-то в ней надломилось.

– Не волнуйтесь так, – успокоил редактор. – Это всего лишь плёнка. Мы давно добивались, чтобы вы получили возможность ее просмотреть. Теперь она ваша.

– Не совсем так, – вмешался Калягин. – В Вашем распоряжении сутки. Завтра вернете по этому адресу, – он сунул маме листок с адресом, – и очень советую посторонним ее не показывать. Немало есть любителей все толковать по-своему.

– Да, – спохватился редактор, – это нежелательно. Мы вам раньше не сообщали, но, как выяснилось, Илья Григорьевич, как и подобает настоящему журналисту, все происходившее в последний час снимал на кинокамеру. До конца снимал... До самого конца.

И еще, – редактор повернулся к столу, взял в руки маленькую коробочку и вытянулся по стойке смирно, – постановлением Верховного Совета СССР ваш муж Илья Григорьевич Шелепинский награжден медалью «За отвагу». Посмертно.

Калягин тоже вскочил и скорчил торжественную гримасу.

Мама молчала. Уже вечером, дома, она растерянно разводила руками и сокрушалась о том, что так ничего и не смогла вымолвить в ответ. А что было отвечать? «Служу Советскому Союзу»? Не она служила, а отец. «Спасибо»? А за что спасибо? За то, что вместо мужа у нее теперь есть медаль?

Выйдя из редакции, мама тут же из уличного автомата позвонила своей подруге Наталье – администратору с киностудии имени Горького. Настя, стоя на улице у закрытой телефонной будки, конечно, не слышала, о чем они говорили, но догадалась, что о чем-то важном. Стремительно выскочив из кабинки, мама схватила Настю за руку, и они помчались к Белорусскому вокзалу, к метро. Мама почему-то все время озиралась по сторонам, словно кого-то опасалась.

От станции «ВДНХ» они направились к выставке, на дорожках которой им постоянно попадались сонные милиционеры и необычайно сытые коровы-рекордистки, прошли к северным воротам и оказались перед проходной, где уже ждала с пропусками в руке мамина подруга Наталья. Она осторожно провела их по тусклым коридорам мимо студий и аппаратных, мимо взъерошенных и чем-то озабоченных людей, завела в небольшую темную комнату, на одной из стен которой белел большой экран.

– Здесь можно, – сказала Наталья. – Тут нас никто не потревожит.

Она заперла дверь изнутри и вставила полученную в редакции плёнку в кинопроектор. Настя уселась в кресло и приготовилась смотреть кино. Мама устроилась рядом. Затем свет погас. По экрану даже не поплыли, а поскакали улицы Праги.

* * *

По экрану скачут улицы пока еще почти безлюдной утренней Праги, потому что автомобиль, видимо, то и дело трясет на брусчатке, и камера в руках репортера дрожит. Мелькают дома, подворотни, окна. Слева стремительно пролетела Староместская площадь. Снова дома, улицы, прячущиеся за деревьями, редкие встречные грузовики. Людей практически нет. Поворот. От машины вместе со своей тележкой шарахается перепуганный ранний молочник в белоснежном фартуке.

Зрачок камеры медленно поворачивается и останавливается на водителе – широкоплечем светловолосом человеке, том самом, которого Настя видела на фотографии рядом с отцом. Он напряженно смеется. Камера продолжает внимательно оглядывать салон «Фиата», но на заднем сидении находит только бутылку воды, журналистский кофр и стопку газет «Правда».

Резкий поворот. Камера в очередной раз дергается, неожиданно выхватывая автомобильную антенну, к которой, как белый флаг, прикреплена страница «Правды». Большие дома неожиданно пропадают, возникают отдельно стоящие особняки и домики за аккуратными палисадниками. Прага закончилась.

Затем на несколько секунд на экране застывает сначала удаленный, но по мере приближения стремительно увеличивающийся дорожный указатель с белой надписью на синем фоне: «Рузине».

Машина, не сбрасывая скорость, ныряет в узкую улочку. Это уже Рузине, пригород Праги. Поворот. Еще один поворот. Камера мечется, буквально съедая дорожный асфальт и робкие деревья по сторонам улиц. Еще поворот. В объективе внезапно возникает танк с огромной красной звездой на броне. Он уже рядом.

Несколько секунд на экране остается только звезда. Огромная красная звезда. Экран гаснет.

* * *

Настя растерянно поглядела на мать. Софья плакала, закрыв лицо руками. Наталья что-то шептала ей на ухо. Наконец, мама отняла руки от лица: от воспаленных глаз, от неожиданно распухшего носа, от покрасневших щек, по которым медленно сползали черные потоки – перемешанные с тушью слезы.

Наталья, не обращая внимания на любопытные взгляды, тем же путем вывела их на улицу.

Они медленно прошли вдоль высокого забора, ограждавшего ВДНХ от остального мира. Эта территория давно уже напоминала государство в государстве, в котором законсервировались тридцатые годы.

Миновав ворота, они вышли к маленькому зоопарку. Полусонные волки лениво терлись о высокую металлическую решетку. Тревожно вскрикивала гиена, заставляя вздрагивать серых зайцев и наглых макак. В огромном пруду плескался закат. Заметно потускневшее солнце уже закатывалось за горизонт неподалеку от Останкинской башни. Откуда-то из-за Лосинового острова подкрадывались сумерки, словно желая поглотить Москву – огромный город, наполненный затухающими звуками машин, трамваев и людских голосов, словно желая навсегда отнять этот город у Насти и ее мамы.

Настя подняла голову. На востоке, на стремительно темнеющем небе зарождалась звезда. Огромная звезда, брызжущая во все стороны красным кровавым светом.

* * *

Из доклада майора Калягина:

«... По сообщению нашего секретного сотрудника, работающего под именем Озон, Софья Шелепинская, несмотря на предупреждение, доставила пленку на киностудию имени Горького, где и просмотрела запись при помощи сотрудницы киностудии Натальи Гориной. Этим фактом она нарушила запрет на распространение. Пленка была возвращена на следующее утро по указанному адресу.

И.о. начальника отдела идеологической безопасности майор
А. И. Калягин».

– И что ты мне принес? – недовольно спросил Калягина седовласый полковник, бросая листок с докладом на огромный стол, уставленный телефонами. – А где они должны были смотреть пленку? У себя на кухне? И зачем вы вообще эту пленку им дали?

– Цель была одна: выявить круг людей, близких к потенциальным эмигрантам.

– И кого вы выявили? Наталью Горину? – поднял голову полковник. – Она тоже, по-вашему, эмигрировать собралась? И куда? В Израиль? Туда русских не берут.

– Как сказать. Они не берут, но возможны варианты. А вдруг нам придется засылать своих людей? Каналы переправки и возможные знакомства лишними не бывают. А необходимые документы – это уже наше дело. Мы и из татарина еврея сделаем. – Калягин помялся. – Зря мы их отпускаем. Все-таки это семья правдиста, хотя и покойного, еще и награжденного медалью «За отвагу». Так скоро и герои Советского Союза побегут.

– Не побегут, – махнул рукой полковник. – Не допустим. Тем более, что скоро форточка захлопнется. Хватит. А с Шелепинскими вопрос решен. Пусть убираются.

Он прошелся по кабинету, подошел к столу, отхлебнул из стакана остывшего чая и вдруг спросил:

– А что с семьей Дорохова? Им пленку показали?

– Здесь все нормально. Кино посмотрели в нашем кинозале на Лубянке. Сына Дорохова, Игоря, специально из Суворовского училища привезли. Крепкий паренек. Мечтает попасть к нам. Хочет идти по следам отца. Подрастет – посмотрим. Если что – поможем. Верные люди нам нужны.

* * *

В международном аэропорту «Шереметьево» Софью и Настю провожала только Наталья. Друзья и бывшие сослуживцы, появляться в «Шереметьево» не решились. Софья не обиделась: август 1975 года – не лучшее время для общения с навсегда выезжающими за границу. Им-то всем оставаться. Так зачем рисковать?

Большого столпотворения у регистрационных стоек не было, и саму регистрацию еще не объявляли. Женщины и Настя поднялись на второй этаж, на висящий над залом балкон, на котором приютилось небольшое кафе. Кофе здесь продавали по каким-то заоблачным ценам. Даром что ли это аэропорт? Впрочем, советские деньги уже ничего для Софьи не стоили, и она была рада избавиться от них. Она напряженно смотрела с балкона в зал, и суетящиеся внизу люди казались ей персонажами давным-давно виденного черно-белого фильма. Волнения не было. Наоборот, медленно нарастало нетерпение. Скорей бы!

Сидя за столиком, Наталья неожиданно всхлипнула.

– Не плачьте, тетя Наташа, – растерялась Настя. – Скоро увидимся, мы обязательно приедем.

– Конечно, дочка, – задумчиво откликнулась Софья. – Приедем. Когда-нибудь, когда здесь что-то изменится. Ты, может быть, доживешь. – И обменялась с Натальей понимающим взглядом.

Объявили регистрацию на Вену.

Подхватив тяжеленные чемоданы, Софья, охнув, потащила их к стойке регистрации, но рядом вдруг объявился стройный молодой человек в черном сюртуке и смешной черной шляпе.

– Давайте – предложил он, хватаясь за чемодан. – Наши люди должны помогать друг другу.

Софья выпустила ручку и вопросительно взглянула на добровольного помощника, мало похожего на еврея.

– Вы тоже в Израиль? – недоверчиво спросила она.

– Конечно. Теперь все туда.

Софья посмотрела на него с изумлением.

Он уточнил:

– Все, кто может.

В самолете выяснилось, что молодого человека зовут Вадим. Он всю дорогу развлекал Софью разговорами, расписывая всевозможными красками будущую жизнь на Западе.

– Разве Израиль – это Запад? – улыбалась Софья. – Это Восток.

– Какая разница? – смеялся в ответ Вадим. – Все, что не Советский Союз, является Западом.

Настя только краем уха прислушивалась к их разговору. Конечно, Вадим ей понравился, но о чем ей было с ним говорить? Тем более, что она была занята своим делом: она глядела в иллюминатор, туда, где на крыльях самолета застыли звезды. Большие красные звезды.

Глава вторая

Игорь Дорохов выглянул в иллюминатор транспортного самолета: с ночного неба тускло подмигивали далекие маленькие огоньки.

«Север, – вздохнул Игорь. – Север и есть север».

И ему вспомнились жирные южные звезды Афганистана, где пришлось в самом начале войны участвовать в нескольких спецоперациях. По ночам звезды там так светили, что не нужно было никаких фонарей.

Также вспомнился Египет в восемьдесят первом. Туда он попал юнцом, только набирался боевого опыта. Сколько же с тех пор у него накопилось этого опыта!

Впрочем, Игорь не очень любил вспоминать. Привычку помнить и размышлять о посторонних вещах из него вышибли еще в училище. Помнить надо было только то, что приказано или то, что во время выполнения задания позволит выйти из самой тупиковой ситуации.

Но звезды... Звезды он почему-то запоминал, обращал на них внимание. Как иначе? Вся жизнь его среди звезд. Звезды были везде: на погонах, на фуражках, на крыльях самолетов и на воротах воинских частей. Везде.

А в последнее время ему иногда стала являться другая звезда – та самая, огромная, застывшая в последнем кадре фильма, который им с матерью давно показывали на Лубянке. Друг отца снимал всё до конца. То и дело звезда на борту танка всплывала перед глазами. Странно. Впрочем, в последнее время многое было странным, не таким, как прежде. И, главное, что эти странности зарождались в нем самом. Нет, он не испытывал сомнений в том, что делает, чему посвятил жизнь. Все было просто: приказы не обсуждаются, они выполняются любой ценой. Есть родина, и он служит ей. Служит везде, куда бы ни направили. Родина. Она и сегодня в опасности. Она всегда в опасности. И он, майор спецподразделения КГБ СССР Игорь Дорохов, для того и живет, чтобы ее ежедневно спасать.

– Очнись, Барс, – хлопнул его по плечу сосед по лавке. – Приехали.

Дорохов огляделся. На лавках вдоль бортов в полной боевой экипировке напряженно застыли десантники, наряженные в короткие армейские бушлаты и кирзовые сапоги. И только оторвавший Игоря от размышлений Володя Петров, так же, как и он сам, был затянут в черный комбинезон, поверх которого надет бронежилет. На руках – утепленные перчатки с вырезами для пальцев. Черная маска была невинно скатана в трубочку, как будто детская шапочка. Зато из многочисленных карманов торчали рукоятки совсем не детских ножей и длинноствольных пистолетов. И – никаких знаков различия. Только светящиеся белые нашивки на рукавах.

– Понял, Орел, – откликнулся он, немедленно из Игоря превращаясь в Барса. – Работаем.

В этот момент самолет сильно тряхнуло – шасси самолета коснулись бетонных плит аэродрома. Десантники застыли на своих скамейках. После короткой рулежки турбины заглохли, и на сидящих людей в самолете на несколько мгновений свалилась черная тишина. Но сразу же протяжно загудели лифты, мягко переломился пол, и в самолет ворвалась холодная вильнюсская ночь.

Барс остался у начала отсека, а Орел быстро прошел в хвост, встал у выхода и махнул рукой командиру десантников:

– Командуй высадку, майор! Построение на поле. Затем делай, как я.

С этими словами Орел опустил на лицо маску. Барс сделал то же самое.

– Рота-а-а! Слушай мою команду! – заорал майор. – Первый взво-о-д – пошел!

По гулкому металлическому полу загремели сапоги и лязгнули автоматы. Десантники, сопя и подталкивая друг друга, посыпались на бетон.

– Второй взвод – пошел! Третий взвод – пошел! – продолжал командовать майор.

Когда десантники построились, от других стоявших на полосе самолетов уже тянулись к зданию аэровокзала стройные цепочки солдат, каждую из которых возглавляли люди в черных комбинезонах со светящимися нашивками на рукавах.

– Барс! Давай справа обходи, к воротам, – командует в переговорное устройство Орел.

– Понял тебя, Орел. Обхожу справа.

– У нас пять первых коробочек. Твоя – пятая.

– Да, вижу коробочки.

Две цепочки десантников стремительно проскальзывают в ворота и выскакивают на площадь к ревущей от нетерпения колонне танков.

Краем глаза Игорь увидел, как Петров первым прыгнул на броню головной машины и, жестикулируя, что-то принялся объяснять высунувшейся из люка голове в шлемофоне. Немедленно последовав его примеру, Игорь махнул майору:

– Давай!

– Рота-а-а! – закричал майор, – на броню!

Солдаты, расталкивая друг друга, полезли на машины, которые фыркнули, изрыгнули столбы дыма и помчались в сторону города.

– Как слышишь меня, Барс?

– Слышу, Орел, слышу.

– Доведи до майора задачу.

– Есть довести задачу.

Игорь вплотную приблизился к уху майора, пытаясь перекричать ревущие танки:

– Задача: блокада и зачистка телецентра. Оружие – к бою. Дальше – делай, как я. Все понял?

– Понял, – хмуро кивнул майор, пытаясь понять, с кем придется воевать его гвардейской десантной роте.

Во время движения между первым и вторым танком в колонну втиснулся броневик с торчащими, как разинутые железные рты, динамиками.

– Барс, следи за броневиком, – снова послышался голос Орла. – Там какая-то важная шишка из местного ЦК, будет разводить пропаганду.

– Понял.

На подходе к телецентру танки встречала огромная толпа. Первый танк резко затормозил, преградив путь всей колонне. Несколько мужчин уперлись руками в броню, словно надеялись таким образом остановить это рычащее чудовище.

– Братья и сестры! Литовцы! – заговорили динамики броневика по-русски, но с легким литовским акцентом. – С вами говорю я, Витаутас Марцинкявичус, председатель Комитета народного спасения. Мы пришли дать вам свободу, демократию и порядок. Мы пришли освободить вас от националистической хунты Ландсбергиса.

– Сам ты хунта! – послышалось из толпы. – Убирайся в Москву!

И уже дружным хором:

– Фа-шизм не пройдет! Фа-шизм не пройдет!

В сторону пропагандистского броневика из толпы полетели камни и бутылки. Раздались ружейные выстрелы. Пули рикошетили от брони и с визгом улетали в темноту. Вдруг Игорь услышал голос Орла, явно обращенный к водителю танка:

– Давай, капитан, двигай вперед!

– Куда? – как будто издали донесся голос капитана. – Там же люди!

– Капитан Медведев! – заорал Орел. – Я приказываю: вперед!

Игорь услышал в наушниках возню, и снова послышался голос Орла:

– Вылезай, твою мать. Сам поведу. Барс, слышишь меня?

– Слышу.

– Двигайтесь за мной. Отдавай майору приказ о штурме.

Толпа продолжала реветь. Люди не хотели отступать и пропускать танки к телецентру. Игорь, выхватив из рук десантника автомат, спрыгнул на землю и дал длинную очередь поверх голов, заставив людей шарахнуться в стороны. Потом сделал жест водителю, показывая, куда встать, чтобы прикрыть броневик пропаганды.

В этот момент он увидел в толпе парня, поджигающего торчащий из бутылки фитиль. Выхватив пистолет, Барс выстрелил в него, не целясь. В этот момент головной танк дернулся и полез на толпу.

– За родину! – услышал Игорь в наушниках голос Петрова.

Первый танк раздавил высокого мужчину с авоськой. Кровь брызнула на траки и потекла по асфальту. Раздались истерические крики.

По команде майора десантники спрыгнули с брони и вклинились в толпу, расчищая себе путь выставленными вперед прикладами автоматов. Барс резко обогнал наступающих десантников и в несколько прыжков пробился к двери телецентра, где его встретил перепуганный охранник, выставивший перед собой пожарный брандспойт. В Барса ударила струя ледяной воды. На мгновение захлебнувшись, он отскочил в сторону и наотмашь ударил парня прикладом. Тот взвыл и рухнул на пол. Путь был свободен.

В коридоры телецентра ворвались десантники. Бежавший впереди Барс вдруг обнаружил, что прямо на него наставлена телекамера. Он сообразил, что трансляция штурма идет в прямом эфире. Через секунду тем же прикладом он вышиб из рук оператора камеру и помчался дальше. На защиту родины.

* * *

Жизнь в Лондоне Насте определенно нравилась. Она была очень живой и необыкновенной. Не оживленной, а именно живой, совсем не такой, как в Москве ее детства, где было много суеты, но мало жизни. Там люди были словно частями какой-то гигантской машины, постоянно двигались, но не понимали, зачем. И остановиться не могли. И эта странная зависимость от неведомой цели, которой приходилось служить, делала людей мрачными или обозленными друг на друга.

Конечно, потом, в Тель-Авиве, все резко изменилось. Живости там было хоть отбавляй, даже больше того. При этом поражало, что, несмотря на весь свой южный темперамент, израильтяне были на редкость терпеливыми, доброжелательными и почти никогда не выглядели раздраженными. Может быть, все дело в жаре?

Впрочем, для нее, московской девочки, главным открытием было море. Что бы ни случилось, всегда можно было выйти на берег, остановиться у самой кромки воды, и обо всем забыть. В первое время Настя вместе со своей новой школьной подругой, красавицей Викой Завадовской, почти ежедневно весело выскакивала из автобуса на углу улиц Бен-Иегуда и Алленби и мчалась к берегу моря. И каждый раз это было чудом.

Правда, чем быстрее Настя выросла, тем меньше ей нравилось в Тель-Авиве. Ей было тесно. Она не понимала, чем будет заниматься дальше, поэтому, несмотря на возражения тети Полины, уехала учиться в Оксфорд.

Очнувшись от воспоминаний, Настя вдруг обнаружила, что к ней на колени запрыгнула белка. Она была такая рыжая, какими бывают только шотландцы. Это уже лондонское чудо. Здесь, в Гайд-парке, даже лебеди безбоязненно выходят из воды и бредут к людям – поговорить. Осторожно спустив белку на землю, Настя поднялась со скамейки, надела на голову мотоциклетный синий шлем и оседлала свой велосипед. Нужно было ехать. Дэвид Стонецкий назначил встречу ровно на 16.00.

* * *

Из рекомендательной записки Дэвида Стонецкого:

«...Анастасия Шелепински. 28 лет. Дочь собственного корреспондента газеты «Правда» Ильи Шелепинского, погибшего в 1968 году в Праге во время известных событий. В 1975 году вместе с матерью, Софьей Шелепинской эмигрировала из Советского Союза в Израиль. Закончила Оксфорд. Специалист по восточноевропейским странам и истории капитализма. Обладает аналитическим умом и редкостной интуицией. Способна предугадывать направление движения мирового рынка как в целом, так и в отдельных его секторах. Не замужем. Последние восемь лет проживает в Лондоне.

Советник Президента корпорации «Денирс» Дэвид Стонецкий»

* * *

Миновав Трафальгарскую площадь, Настя прибавила скорость, проскочила несколько улиц и через несколько минут стремительно подкатила к высокому офисному зданию, едва не столкнувшись у входа с жирным черным «Мерседесом», лениво заползавшим в пещеру подземной стоянки.

– Доброе утро, – напряженно раскланялся набриолиненный брюнет за стойкой ресепшена. – Вы к кому?

Оглядывая сверкающий белым мрамором холл и размышляя, куда бы пристроить свой огромный шлем, Настя ответила не сразу.

– Так вы к кому? – Настя вызвала явное подозрение у набриолиненного брюнета, потому что в таком виде, на велосипеде, со шлемом в руках, в это здание еще никто не заявлялся...

– К мистеру Стонецкому. К Дэвиду Стонецкому.

– Минуточку. – Парень щелкнул мышкой компьютера, сверился с записями и расплылся в улыбке. – Вы, наверное, мисс Анастасия Шелепински? – спросил он, с трудом выговаривая непривычную для англичанина фамилию. – Пожалуйста, мистер Стонецкий Вас ждет.

Парень совершенно не понравился Насте. Недолго думая, она поставила свой шлем на стойку и предупредила:

– Не спускайте с него глаз, пока я не выйду. В шлем вмонтирована секретная записывающая аппаратура.

Парень испуганно приподнял шлем и спрятал его где-то внизу, за стойку, чтобы никто не увидел.

– Не волнуйтесь, мисс. Все будет в порядке.

Внешний вид Дэвида, встретившего Настю у входа в огромный кабинет, несколько разочаровал. Человека, имевшего такой значительный вес во всемирно известной алмазной империи, она представляла себе совсем иначе.

Она увидела человека небольшого роста, щупловатого чиновника, одетого в опрятный, но явно недорогой костюм. Более того, Настя никак не могла определить возраст. Он был не молодой и не старый, между тридцатью и пятьюдесятью годами, точнее определить было невозможно. Дэвид внимательно оглядел гостью и, неожиданно для нее, с акцентом, но на чистом русском языке произнес:

– Садитесь, Настя, будьте, как дома. Так, кажется, приветствуют в России?

– О! – восхитилась Настя. – Вы, вероятно, родом из России?

– Нет, я из Лондона. Но мои родители из восточной Польши, там по-русски разговаривали.

– Кажется, кто-то из моих предков жил в Польше, – вспомнила Настя.

– Не кто-нибудь, а ваша прабабушка, – отчеканил Дэвид. – Она родилась в Лодзи, потом жила в Варшаве еще в то время, когда Польша входила в Российскую империю. Похоронена она, кстати, тоже в Варшаве.

– Интересно, – прикусила губу Настя. – Получается, что вы собирали данные не только обо мне, но и о том, где похоронены все мои предки?

– Нет, про всех мы не знаем, – спокойно продолжал Дэвид, переходя на английский. – Но кое-что выяснили.

У вашей семьи богатая история. Конечно, князей, миллионеров и героев в ней не было, если, конечно, не считать медаль вашего отца. Но ваши предки жили в разных странах, и среди них нашлись люди всевозможных профессий, в основном, это были деловые люди и интеллектуалы. А это для нас важно.

– Что важно? – не поняла Настя. – То, что моя прабабушка похоронена в Варшаве? Неужели при приеме на работу это важнее, чем диплом Оксфорда?

– Диплом Оксфорда тоже важен. Базовые знания экономики и политологии крайне необходимы. Но наши многолетние наблюдения убеждают, что люди на генном уровне несут в себе опыт поколений своей семьи. Это проявляется в своеобразной интуиции. Поверьте, даже тот факт, что ваш отец был коммунистом и работал в главной газете Советского Союза, может пойти вам на пользу, следовательно, и нам.

– Зачем вам всё это? Вы же занимаетесь алмазами.

– Да, алмазами. Но работать с алмазами означает заниматься всем сразу, потому что только после хорошей огранки алмаз может стать настоящим бриллиантом. Нельзя успешно делать дело, не разбираясь в мировой конъюнктуре в целом, ничего не зная о конкурентах, об особенностях ведения бизнеса в разных частях света, в том числе, – Дэвид прищурился, – в Восточной Европе и в России. Как специалист по Восточной Европе и России вы нам и нужны. В этом мне и удалось убедить руководство. Надеюсь, я в вас не ошибся, и вы меня не подведете. Обещаете?

– По крайней мере, обещаю больше не приезжать в офис на велосипеде, а шлем оставлять дома.

– Пожалуй, велосипедный шлем в вашей работе не поможет, разве что солдатская каска.

Несмотря на загадочный намек на каску, оба посмеялись и попрощались уже совсем дружески. Настя вышла.

Набриоленный парень на ресепшене торжественно и чрезвычайно осторожно, словно он был из хрусталя, преподнес Насте шлем, заверив, что никто не посмел на него посягнуть.

Пока Настя возвращалась домой, она неотступно думала о состоявшемся разговоре. Зачем Стонецкому понадобились ее родственники? Он разве прабабушку на работу берет?

«И что во мне осталось от моего детства в Москве? – рассуждала она. – Русский язык? Осеннее Кунцевское кладбище, где хоронили отца? Аэропорт „Шереметьево“? Коровы на ВДНХ?» А о прабабушке из Варшавы она совершенно ничего не знала. Впрочем, какая разница. Главное, что у нее теперь будет новая интересная работа в престижной компании и сумасшедшие перспективы.

Приехав домой, Настя немедленно позвонила в Тель-Авив.

– Шалом! – поприветствовала она тетю Полину. – Как дела? – И тут же пожалела о своем вопросе, потому что обрадованная тетя Полина начала скрупулезно рассказывать обо всем: о себе, о стране, о террористах, о ценах на базаре, о родственниках и соседях по лестничной клетке. Ей до всего было дело.

– Скажи мне, как звали мою прабабку из Польши? – перебила Настя. – Чем она занималась?

– Из Польши? – переспросила тетя Полина.

– Да, из Польши. Или ты не знаешь, где находится Польша? Это немного дальше Минска, где жил твой брат.

– Не морочь мне голову! – обиделась тетя Полина. – Я не знаю, где Польша! А кто знает, если не я? Твоя прабабка – Эсфирь. Чтобы ты знала, она была настоящей героиней. Эсфирь была в Петербурге народоволкой, сложила голову на плаху. А потом, моя деточка, ее повезли хоронить назад, в Польшу.

– Куда она сложила голову? – не поняла Настя.

– Я же говорю: «на плаху». Так потом сказали.

Попрощавшись с тетей Полиной, Настя усмехнулась: про плаху Стонецкий ничего не сказал. Значит, не все разведдал.

* * *

Из рапорта Орла:

«...Операция по захвату Вильнюсского телецентра прошла успешно в кратчайший срок. У входа в телецентр подразделению было оказано серьезное сопротивление. Но благодаря решительным действиям десантников и капитана Медведева, который первым на своем танке проложил путь к входу в телецентр, задача была решена.

Командир подразделения спецназа при КГБ СССР подполковник В. Петров»

– Подписывай. – Орел бросил листок на стол Игорю. – Твоя подпись здесь тоже нужна. Внимательно прочитай рапорт, Игорь насторожился.

– Стоп. А причем тут Медведев?

– А как же? Родина должна знать и награждать своих героев.

– Ага, наградят. Догонят и еще раз наградят. Танк на толпу повел ты, а не капитан Медведев. Ты кричал: «За Родину!» Значит...

– Ничего не значит! – перебил его Петров. – Я не собираюсь прикрывать задницу танкистам. С Медведевым пусть разбираются армейские люди. А нам лишнее разбирательство ни к чему. Замучают допросами. И откуда ты знаешь, что за рычагами сидел не Медведев? Ты ничего не видел.

– Не видел, но слышал. И я наблюдал, как ты этого капитана из люка выталкивал, и как в толпу въехал, и как людей давил.

– Что-то ты много рассуждать стал. Задача выполнена? Выполнена. Я ее придумал, эту задачу? Мое дело – брать под козырек и выполнять. А каким образом – дело десятое. А если бы эти националисты меня в танке сожгли вместе с Медведевым? Ничего ему не будет. Пожурят и оставят дальше служить. И запомни: мы защищаем родину. Это главное.

С этим Игорь спорить не мог, хотя все произошедшее ему почему-то не понравилось, впервые с тех пор, как он стал спецназовцем. Не понравилось, и все тут.

– Далек пойдешь, товарищ подполковник.

– Пойду, товарищ майор. И тебя с собой возьму, не пожалеешь. Все равно нам вместе работать в одной связке.

Глава третья

В последнее время единственной радостью Михаила было вечернее возвращение домой. Впрочем, домой ли? Дача была казенная, и все в ней – казенное. Даже любимая библиотека с уникальными изданиями, и та не своя. Как долго еще предстоит жить на этой даче, даже сам Михаил ответить сегодня уже не смог бы.

Хотя вчера еще все было понятно. Как же: первый человек огромной страны, впереди – невиданные перспективы обновления, вокруг улыбки, прямо райские яблочки на лицах. Куда все ушло? И как быстро ушло!

Вокруг – мрак. Экономика застыла в летаргическом сне. Соратники только и ждут, пока он лоб расшибет. Одни справа давят, другие – слева. А спроси их: чего хотят? Не ответят толком. У всех в голове – одни иллюзии. Впрочем, ясно чего хотят – власти. И денег. Только над чем властвовать-то? И над кем? Страна расплзается по швам, денег нет, а они только и умеют, что митинговать. Самоубийцы. Вся страна – самоубийцы.

Только Раиса все понимает. Сама прикатила в кабинет сервировочный столик на колесиках с двумя пузатыми чашками гжельского сервиза, заварочным чайничком и розеткой, из которой прямо выкипало то, от чего немедленно перехватило дыхание.

– Ой, Раиса, угодила, так угодила. Ведь это варенье из райских яблочек! Из наших, ставропольских! Откуда?

– Василий прислал. И письмецо приложил, – сообщила Раиса, пристраиваясь рядом с мужем на диване и укутывая ноги пледом.

– Что пишет? Наверное, жалуется, что голодают?

– Нет, не голодают. Пишет, что урожай в этом году на Ставрополье хороший был.

– Был, да сгорел.

– Как это?

– Да так. Не убрали вовремя, и сгорел. Хотя, конечно, в деревне полегче. А в городах – совсем беда. Магазины пустые, продукты по талонам выдают. Доигрались. Катимся в пропасть. Бюджет проели, нефть на рынке – дешевле воды, промышленность ни на что не годится. Только и умеют, что золото в бесполезный чугун переводить. А прожекты, они прожекты и есть. Разве можно что-то изменить за пятьсот дней, как предлагает Явлинский? Главные реформы в головах людей надо проводить, а на это и ста лет не хватит. Никто ничего не умеет и не хочет, все валят на меня. Я – крайний. Я – президент.

– Успокойся, Мишенька, успокойся. Может, и не так все плохо? Люди же должны понимать, что мы хотели их жизнь к лучшему переменить.

– Может, и должны, – согласился Михаил, отправляя в рот очередную ложечку райского варенья, – да не хотят. Деньги, Рая, нужны. Деньги. Без денег ничего не сделаем. А денег нет. И взять неоткуда.

– А на Западе разве не дадут? Ведь тебя там любят.

– В политике любви не бывает. Там тоже ждут, не дождутся, пока мы в пропасть свалимся. Да и денег в наш развал они вложили немерено. Зачем им Советский Союз?

– Ведь Коль за объединение Германии обещал огромные деньги!

– И не только обещал. Готов был дать. И что ты думаешь? Шеварднадзе отказался! Представляешь? Поехал без меня на переговоры и отказался! Я как узнал, готов был его растерзать. Соратник! Немцы в шоке были: от таких денег отказался! Теперь уже назад не отыграть. Все неспроста. Думаю, Шеварднадзе тоже решил, что Союз развалится. Грузия, считай, уже отделилась. Для него Грузия важнее. А для нас эти деньги сейчас были бы настоящим спасением.

Михаил отхлебнул чаю, облизал ложечку и как-то отрешенно закончил:

– Разогнать бы их всех к чертовой матери, но тогда вообще опереться не на кого. Да и сейчас не на кого.

– Будь осторожнее, Миша. – Раиса приподнялась на тахте, поправляя плед. – Не дай Бог кровь пролить. О Тбилиси до сих пор говорят и пишут, а теперь и о Вильнюсе.

– А что Вильнюс? Они что думают, что я там старые порядки хотел сохранить и коммунизм спасти? Ерунда это все. Я хочу сохранить страну. Куски начнут отваливаться – не останешься. Цепная реакция начнется. Но только наши костоломы из армии и КГБ ничего не умеют. Лишь танки пускать в ход. Есть же другие методы. Где разведка? Где агентура? Где наша хваленая спецпропаганда?

Нет, Рая, деньги нужны! Я сегодня собрал у себя правительство и всех силовиков, поставил задачу: добыть деньги. Пусть, что хотят делают, а деньги добудут. На свой карман все хорошо работают, а до государства никому дела нет.

В дверь кабинета осторожно постучали. Вошел помощник.

– Михаил Сергеевич, вас по вертушке председатель КГБ просит.

Подойдя к телефону, Михаил недовольно бросил в трубку:

– Что там у тебя?

Внимательно выслушав, уже спокойнее произнес:

– Давайте, работайте. Может, что и выйдет. Только смотрите – полная секретность. Люди надежные? А то я знаю твоих профессионалов, все развалят. Ладно, ладно, действуйте.

Вернувшись в кабинет, Михаил задумчиво потер руки:

– Что ж, Раечка, отпиши Василию, поблагодари. Может, еще поедим его райских яблочек.

* * *

Вадима Бурта разбудил резкий телефонный звонок. Секунду-другую он приходил в себя, соображая, кто бы мог его потревожить среди ночи и потянулся за трубкой. Сомнений быть не могло. Этим придуркам невозможно объяснить, что в то самое время, когда они обедают, здесь, в Монреале, кромешная ночь.

В последнее время он очень раздражался, когда его, миллиардера, вдруг ни с того ни с сего тревожили по ночам полковники или даже генералы из-за океана.

– Что случилось, Вадик? – сонно пролепетала Вики.

– Спи. Все нормально.

Телефон продолжал надрываться.

– Да, слушаю, – раздраженно проговорил Бурт, прижимая трубку ко рту.

– Спишь? – послышалось издали. – Спать вредно, когда родина в опасности.

– Какая, к черту, родина! Просил же не звонить по ночам.

– У нас теперь всегда ночь, поэтому выбора нет. Как сказано в Писании, время собирать камни, и время их продавать.

– У вас теперь какое-то новое Писание.

– Писание новое, а уставы старые. А теперь слушай внимательно...

* * *

– Ну что, все понятно? – спросил генерал, оглядев собравшихся.

– вроде понятно, – отозвался Володя Петров. – Думаю, детали еще будет возможность уточнить.

За столом, помимо генерала, собрались пятеро: Орел, Барс, приземистый крепыш по имени Саша, высокий брюнет Борис и Геннадий, почти юноша с худым невыразительным лицом и немигающими глазами. Этому маленькому спецподразделению предстояло выполнить

непростое оперативное задание, о сути которого бойцы не догадывались. У каждого была своя локальная задача, для начала почти элементарная: в назначенное время прибыть в Будапешт и собраться в определенном месте. Все остальное – потом.

Конечно, Петров, как командир группы, знал намного больше. Тем более, что именно ему было поручено на первом этапе самое главное: окольным путем провезти груз. Именно так. Напрямую ломиться в Венгрию было рискованно. В случае утечки информации их возьмут прямо на границе, несмотря на то, что она пока безвизовая. Но и обходной путь через Израиль, Кипр и Югославию не сулил легкой прогулки.

– У тебя путь будет короче, – сказал Петров, когда они остались с Игорем одни, – поэтому сначала ты проводишь меня в Шереметьево. Внимательно смотри не только за мной, но и за грузом, чтобы никто не увязался. За Ануш тоже присматривай. Помнишь ее? Это армянка, она еще с нами в Египте работала.

– Асю, что ли?

– Ну да, Асю. Она со мной эмигрирует, – сообщил Орел. И радостно засмеялся.

– А где она?

– В данный момент в Москве. А так – в Канаде. Она приглядывает за мужем-миллионером, чтобы не сбежал. Ну, и еще кое за кем.

* * *

Уже поздно вечером неожиданно позвонил Дэвид. Настя еще работала в своем кабинете, потому его предложение немного удивило.

– А не сбежать ли нам из офиса, Настя? – предложил он. – Здесь жуткая духота. Я чувствую, что без глотка свежего воздуха задохнусь окончательно.

– Но на улице еще хуже, – растерялась Настя, сжимая в руке купленную в буфете корзинку с пирожками. – Впрочем, если начальство настаивает, я не против.

Заскочив в кабинет Дэвида, Настя протянула ему корзинку, аккуратно покрытую белоснежной салфеткой.

– Что это? – притворно отшатнулся он. – Голова Олоферна?

– Голова Олоферна, насколько я помню, была подана на блюде. А это свежие пирожки из буфета. С капустой. Не умирать же вам с голоду? Уже девятый час.

– С капустой? – чему-то удивился Дэвид. – Да, Настя, вы истинно русская. Только в России, на ночь глядя, способны есть пирожки с капустой.

Но руку в корзинку запустил, и немедленно сунул пирожок в рот.

– Я придумал, – заявил Дэвид, прожевывая пирожок. – Мы поднимемся с вами над городом. Наверху воздух чище.

– Вы пугаете меня, шеф. На чем вы собрались взлететь? Или у вас в гараже припрятан вертолет?

– Зачем нам вертолет? Я давно хотел подняться над Темзой в гондоле полосатого надувного шара.

– Да, я видела его хозяина в нелепой кепке и желтых крагах. И что вы хотите увидеть в темноте? – спросила Настя, пока еще не очень понимая, чем вызвано предложение шефа. – А пирожки куда мы денем?

– Пирожки возьмем с собой, – заявил Дэвид, выходя в коридор к остолбеневшей от неожиданности секретарше Кэти, которая никак не ожидала увидеть жующего шефа с корзинкой в руках в сопровождении растерянной Насти.

– Все, Кэти, вы свободны, идите домой. А мы отправляемся в полет.

Захлопывая за собой дверцу сверкающего спортивного кабриолета, Дэвид назидательно произнес:

– Запомните, Настя, в мире есть только одна марка автомобиля – «Мерседес». Все остальное – не более чем механические бритвы, предназначенные для дорог. Когда вы станете полноценным сотрудником нашей империи и слезете с велосипеда, обязательно покупайте «Мерседес».

– Боюсь огорчить вас, шеф, но я совершенно не разбираюсь в автомобилях.

Машина резво выбралась из подземного гаража и встроилась в душный автомобильный поток, едва ползущий в сторону Темзы. На такой скорости «Мерседес» потерял всякое преимущество перед «бритвами», он только огорченно рычал, сдерживая свой нор.

– Да, Настя, повезет вашему мужу, – хитро прищурился Дэвид, вынимая из корзинки очередной пирожок. – С такой заботливой женой не пропадешь.

– Муж – не начальник, – засмеялась Настя. – Еще неизвестно, кто кому будет носить пирожки. Боюсь, если я и дальше буду сидеть до ночи в офисе, то он будет голодать, даже если окажется миллионером. Впрочем, миллионеры мне не по нутру, я уже насмотрелась на их жизнь, кое-что узнала из разных документов. Нет, я за богатого не выйду замуж.

– Это в вас говорит классовая неприязнь. Вы из России, а там ее еще не отменили. Хотя в чем-то вы правы. Деньги пахнут. Еще как пахнут! И не всегда приятно. Но, согласитесь, все богатства мира создаются ради женщин. А обладание красивой женщиной стоит того, чтобы сделаться состоятельным.

Притормозив у светофора, Дэвид чуть не подавился пирожком: рядом с ними остановилась кровать на колесах. На ней возлежал молодой парень, укрытый черным атласным покрывалом. Причем покрывалом был укрыт не только он сам, но и вся кровать, которая скрывала от посторонних глаз рычаги управления этого оригинального передвижного средства.

– Это Лондон! – пришел в себя Дэвид. – Здесь и не такое бывает. Не удивлюсь, если мы встретим передвижную бочку с Диогеном или летящую на метле секретаршу. Кстати, идея! Надо предложить Кэти попробовать.

– Боюсь, она обидится. Ее не так воспитывали.

– Кстати, о воспитании, – переключился Дэвид. – Не может быть, чтобы ваш отец, награжденный медалью корреспондент «Правды», не оказал на вас правильного советского влияния.

– Про советское воспитание не скажу, но одно важное средство влияния на меня у него было.

– Какое?

– Он меня любил.

С высоты полёта шара город был как на ладони. Ярко горел освещенный со всех сторон парламент. Подсвеченные башенки Тауэр аккуратно вписывались в ночное небо, и казалось, что они висят в воздухе, также, как и Биг-Бен, ракетой улетающий к звездам. Далеко внизу мельтешили и суетились огоньки машин. И только черная в ночи Темза неторопливо шелестела в гранитных берегах, словно, не замечая большого города.

Настя терялась в догадках. Она не понимала цели этой прогулки и странного разговора ни о чем. «Неужели в компании мне все еще не доверяют?» – размышляла она. Но женское чутье уже подсказывало ей, что дело совсем в другом.

* * *

Егор подошел к шкафу и посмотрел на себя в огромное зеркало, прикрепленное прямо к дверце. На него глядел невысокий плотный человек с лоснящимся румяным лицом и маленькими глазками, которые почему-то всегда казались полусонными. Странно. Ему совсем не хотелось спать. А еще говорят, что глаза – зеркало души. Врут.

Со вчерашнего вечера, как только он получил подтверждение прелюбопытнейшей информации, Егору стало не до сна. Информация была точная, проверенная, от надежного человека, который надеялся в будущем занять пост в новом правительстве. В том, что его должен возглавить именно Егор, сомнений не было. Хотя далеко не все еще было ясно.

Далеко не все.

Полученная информация жгла, требовала каких-то действий и советов. И Егор подошел к телефону.

– Алло, Толя? Надо встретиться. Да. Срочно. Где? Ну, давай в ресторане, в том самом. Идет? Заодно я бы и расстегаев с рыбой поел, если ты меня Маринке не заложишь. Что Маринка? Да она считает, что я толстею.

Посмеявшись высоким голосом, Егор положил трубку и снова подошел к зеркалу: «Нет, вроде бы еще не очень толстый. Можно расстегайки употребить».

* * *

«Точно, из кого хочешь еврея сделают», – подумал Игорь словами Калягина, глядя, как Орел суетится в толпе отъезжающих в Израиль. Небритый, наряженный в какую-то ветхозаветную тенниску и помятую шляпу, Петров активно поддерживал всеобщий гвалт, крича на стоящую рядом Ашхен и пытаясь держаться подобия южнорусского диалекта.

– Ася, не потеряй билеты! Не потеряй билеты, я тебе говорю! Ты вечно все теряешь!

– Успокойся уже, наконец! – вопила в ответ Ася, нарядившаяся в нечто такое, в чем ходили женщины в Жмеринке или Шепетовке в начале века. – Не кричи на меня. Приедешь в Израиль, там кричи. Там все так кричат, или я не понимаю, куда ты меня везешь?

У ног Ашхен на большом, перетянутом ремнями, похожем на сундук чемодане сидит древний старик в мешковатом костюме. Костюм ему явно велик. Кажется, что совершенно безразличный ко всему происходящему старик вот-вот утонет в нем с головой. Старик остался безучастным даже тогда, когда передние люди в очереди сообщили об открытии таможни, и все, активно толкая друг друга, ринулись в таможенную зону. Но Ашхен была начеку. Она подхватила старика и почти насильно повела вслед за всеми. Петров толкал за ними сундук. Напоследок он оглянулся, нашел глазами Игоря, незаметно подмигнул ему и скрылся в толпе.

«Зачем им этот старик, – недоумевал Игорь, покидая здание аэропорта, – и сундук, если груз пошел мимо таможни?»

* * *

– Что случилось, Егор? – настороженно спросил Толя, склоняя свою рыжую голову над чашкой кофе. – Работы по горло, а ты тут конспиративное совещание устраиваешь. Можно было в кабинете поговорить.

– Нельзя. Там уши не только в стенах, но и в подстаканниках. Толя, казна пуста, в магазинах – хоть шаром покати.

– И это, по-твоему, великая тайна, о которой никто не должен подозревать? Об этом знают все, включая грудных детей.

– Тайна не в этом, – ухмыльнулся Егор, – а в том, что Миша дошел до ручки. Средства в бюджет поручено добыть не кому-нибудь, а Комитету. Денег нужно много и, желательно, быстро.

– Интересно! – заинтересовался рыжий. – Они этим давно не занимаются. Может, хотят ограбить какой-нибудь швейцарский банк или собственную сберкассу на углу? Тоже выход.

– Ты шутки свои брось, – насупился Егор. – Дело серьезное. Комитету поручено наладить канал контрабандной поставки алмазов. Информация от совершенно верного человека. Более того, первая партия алмазов уже ушла.

– А почему контрабандный?

– Да потому что алмазный рынок строго квотирован. Ребята из «Денирс» каждый камушек отслеживают. Мимо них ничего не проходит. Эта алмазная корпорация сильнее многих государств. А нам продавать, видимо, больше нечего. Цены на нефть – сам знаешь, какие. Внутри страны тоже нечего продать. Так-то, мой друг.

– Да-а, – протянул Толя. – Велика Россия, а продавать некому. А как они переправляют камни? Диппочтой?

– Черт их знает. Но, думаю, что только не так. Государство подставлять нельзя. Скорее всего, действуют через подставные фирмы и гражданские структуры. Внутри страны тоже поэтому все засекречено, а саму операцию проводят спецагенты. Причем не просто спецагенты, а специальные люди из элитных боевых подразделений.

– Любопытно, – откинулся на спинку кресла Толя. – Представляешь, что будет, если они обрушат рынок алмазов и станет известно, кто именно это сделал! Расхлебывать потом нам придется. Кто после этого нам будет давать кредиты? Да-а. Что-нибудь еще известно?

– Дополнительная информация будет часа через три. Встречаемся здесь.

* * *

Разделившись, члены спецгруппы почти синхронно преодолевали кордон. Играющий роль путешествующего студента Геннадий воспользовался полнейшей неразберихой на румынской границе, разгромленной еще в прошлом году молдавскими волонтерами, и уже брел по улицам Ясс. До венгерской границы отсюда было рукой подать, никаких сложностей не предвиделось. Блок восточно-европейских стран хотя и распался, но визовые режимы между ними установлены не были. Для перехода границы достаточно было советского зарубежного паспорта.

Саше и Борису было чуть сложнее, потому что поляки к советским людям относились строже. Но как раз в это время в пику разрушенным экономикам двух стран ярко расцвело великое движение «мешочников».

Люди с обеих сторон границы уже не ждали милостей от своих правительств, поэтому ринулись продавать соседям все, что было под рукой. Поэтому два новых «мешочника», Саша и Борис, пересекая границу в районе советского Бреста и польского Тересполья, никаких подозрений не вызвали.

Игорь, украшенный тяжелыми роговыми очками, тростью и профессорским портфелем, сошел с самолета во Львове, пересел в поджидавшую его «Волгу» и помчался в сторону Ужгорода. Время было рассчитано так, чтобы успеть в Чопе сесть в поезд сразу после того, как пограничники и таможенники закончат обход вагонов.

* * *

– Ну, что, есть новости? – нетерпеливо спросил Толя, плюхаясь в кресло.

– А как же! – округлив свои полусонные глаза, откликнулся Егор. – Еще какие!

– Давай, не тяни.

– Значит, так, – начал Егор. – Для прикрытия операции создан кооператив «АНТ».

– Понятно, – нетерпеливо перебил Толя. – Этот кооператив и будет получать бабки, оформив цивильный контракт на какие-нибудь железки.

– Так, да не совсем. Простые железки не подойдут. Нужны такие, чтобы весили мало, а стоили много. Иначе придется под такую сумму их со всей страны собирать.

– Что же это может быть? Электроника? Так у нас ее нет. Ракеты? Это уже слишком. Хотя что-нибудь из тяжелого вооружения, пожалуй, подойдет. Или какой-нибудь секретный двигатель будут сбывать. Но все равно риск при этом – выше некуда. Сделка-то подпольная, никем и ничем не застрахованная, значит, могут кинуть.

– Могут, поэтому и подрядили спецназ. Но все равно, в случае чего, шуму будет на всю Европу. Газеты выйдут под шапками: «Опять эти русские!» или «Империя зла превращается в империю криминала!» До Горби, нашего нобелевского лауреата, грязь, может, и не долетит, зато всем остальным достанется по полной программе. Нам это нужно?

– Нам этого точно не надо. Нам требуется кредит доверия. Если мы начнем реформы, а МВФ откажется давать в долг, то будет конец всему – и нам, и реформам. Наше правительство, конечно, будет нищим, но на паперти МВФ мы должны выглядеть честными и опрятными. А где, кстати, будут проводить сделку? Это известно?

– Известно, – вздохнул Егор. – В Будапеште. Но неизвестно самое главное: кто покупатель, и где камни с деньгами войдут в игру.

– Ясно одно: даже если они проскочат мимо алмазной империи, а камни всплывут на рынке, то на Западе немедленно определят, что они из Якутии, – сделал вывод Толя. – И «Денирс» замучается их вылавливать по всему миру. Поэтому сделку надо сорвать без скандала. Но как? Большой Бэн знает?

– Нет, я ему не докладывал. Источник информации лично мой. Да и не поможет нам Боря в данной ситуации. У него пока не те возможности. Пусть себе митингует.

– Да, ты прав, – согласился Толя. – И Интерпол подключать нельзя. В этом случае скандала избежать не удастся.

– Другие международные структуры тоже не годятся. Не через ООН же действовать.

– А что, если нам попытаться договориться непосредственно с алмазной корпорацией? – воскликнул Толя. – У них служба безопасности круче нашей Конторы будет.

– Пожалуй, это идея, – одобрил Егор. – Слетаю в Лондон, кое-кого навещу.

* * *

– Вадик, – проверещала Вики, – звонила Ася. Она только сегодня вернулась в Монреаль из Израиля. Хочет зайти к нам вечерком с Суреном.

– Какого черта им надо? – насторожился Бурт.

– Вадик, ты такой грубый! – огорчилась Вики. – У Аси к тебе есть какое-то дело. Не могла же я ей отказать. И мне хочется ее увидеть. Должна же я хоть с кем-то разговаривать.

Бурт, в отличие от Вики, сразу сообразил, что от него нужно Ашхен, которая просто будет живым продолжением ночного телефонного разговора с Москвой. «Как же, из Израиля она вернулась! Сурен, конечно, не в курсе. Да и толку от него никакого – играет в честного бизнесмена», – подумал он.

– Надо исполнять долг, Вадик, – первым делом сообщила вечером Ася, уединившись с Буртом в его кабинете. – Это не мое дело. Я просто передаю тебе приказ наших друзей. Ты сам знаешь, что бунтовать бесполезно. Для таких ситуаций тебя и создали.

– Кто командует, Ася? – Бурт театрально задрал руки к потолку и забегал по кабинету. – Сама подумай! Кому козырять? Все катится к концу. Не сегодня, так завтра Союз исчезнет. И кому достанутся деньги? Кому, Ася?

– А ты хочешь, чтобы все осталось у тебя? – прищурилась Ася. – Может, Союз и рухнет, но это не значит, что рухнет все. Кое-что останется. И оно способно тебя достать и на краю

света. Ты сам оттуда, поэтому должен знать азбуку. Короче, через три дня твой представитель должен быть в Будапеште.

– Сама подумай: куда я эти алмазы дену? На рынок выброшу? Меня через час вычислят. А, может, договоримся, а? Все равно их уже хрен что спасет.

– Со мной столкнуться не трудно, – неожиданно согласилась Ася. – А вот как ты с ними будешь договариваться?

– Найду способ, – буркнул Вадим.

– Представляешь, Вадик, – неожиданно нарисовалась в дверях Вики. – Сурен такой смешной, он не любит устриц. Я их просто обожаю.

– О, это не единственный недостаток моего мужа, – усмехнулась Ася. – Про другие я тебе расскажу отдельно.

Сурен вдруг покраснел, схватил Асю под руку и заторопился уходить.

Проводив их, Бурт ни с того, ни с сего топнул ногой:

– Черт возьми, куда опять подевался Алекс? Немедленно пришли его ко мне.

– Я здесь, шеф, – мгновенно отозвался Алекс, будто прямо сейчас соткался из вечернего воздуха. – Слушаю вас внимательно.

Глава четвертая

Глава штаб-квартиры алмазной империи умел комфортно устраиваться. Свет в его кабинете всегда был чуть приглушен, а стол и стоявшее на специальной подставке яйцо работы Фаберже освещала зеленая настольная лампа с несколько вычурным, но довольно стильным абажуром. На стене мерцал красками подлинник Тернера, но красоту картины скрадывал царивший в кабинете полумрак. Сам он был худ, подтянут и вполне мог сойти за юношу, если бы не седая голова.

– Ну, что вы думаете по этому поводу, Дэвид? – спросил хозяин кабинета, глядя в глаза Стонецкому.

– Будет большая охота, сэр, – ответил Дэвид, закидывая ногу на ногу и мысленно проклиная шефа с его дурным правилом усаживать подчиненных на неудобный стул. Это элементарный прием, с которым был знаком не только Дэвид, но и любой первокурсник факультета психологии, однако он, как ни крути, всегда срабатывал. – Надо заряжать ружья.

– Эту историю надо закончить раньше, чем она начнется. Вы меня понимаете?

– Если ваша информация точна, сэр, она уже началась. Поэтому до начала остановить уже не удастся.

– Информация верна. Точнее просто не бывает, – удрученно констатировал седовласый. – Я имел в виду, что сделку необходимо остановить прежде, чем камни рассыплются по рынку.

– Против нас играет государство, сэр. С обычными людьми, пусть даже очень могущественными, разобраться было бы проще.

– Государство, Дэвид, – это тоже люди. Надо только их вычислить. Ситуация, конечно, не типичная, я согласен. Зато мы знаем, что в качестве продавца они выставляют обычную структуру, некий кооператив «АНТ».

Еще известно, что сделка пройдет в Будапеште. Почему они выбрали именно этот город? Это как раз понять можно. Венгрия еще недавно входила в восточный блок. Значит, там сохранились контакты и обширная агентурная сеть. Также некоторые их банки контролируются КГБ. Следовательно, там проще открыть счет и совершить нужные операции с деньгами.

– Все это мало что дает, – опять возразил Дэвид. – Мы не знаем главного: где находятся камни, и кто покупатель.

– Да. Но тут я на вас надеюсь. Сколько у нас времени, как вы думаете?

– Дня три-четыре, – откликнулся Дэвид, поглядывая на стрелки старинных часов с боем, спрятанных в резном шкафу из темного дерева. – Правильно ли я понял, что на помощь официальных структур мы рассчитывать не можем?

– Совершенно верно. Это было условием получения информации. В большом шуме никто не заинтересован: ни они, ни мы. Впрочем, к спецслужбам мы всегда сможем обратиться в случае неудачи. С чего думаете начать, Дэвид?

– С вычисления покупателя. – объявил Стонецкий, вставая, наконец, с этого чертового неудобного стула. – Вычислим покупателя, дальше будет проще. И вообще, я думаю, что все только начинается. Советская система рухнет не в один день, железный занавес еще долго будут распиливать на части и продавать по кускам.

– Что ж, Дэвид, вы очень вовремя убедили нас взять на работу специалиста по восточному направлению. Милая девушка. Она уже освоилась?

– Вполне. Все-таки полгода прошло.

– Что ж, детали докладывать не надо. Меня интересует только результат. Результат, Дэвид. Мы должны оправдать бюджет, выделенный на охрану интересов нашей империи. Вы же понимаете, мой друг: дело не только в том, что камни изменят баланс рынка. Если мы не подтвердим свое превосходство над структурами КГБ, то бюджет, который мы с вами отвоевали

на создание интеллектуальной мощи нашей корпорации, моментально свернется, как улитка. О суперкомпьютерах, базах данных, умных алгоритмах останется только мечтать, как и о новых сотрудниках. Но я ваш союзник, Дэвид. И я абсолютно уверен в победе. Удачи! – с улыбкой закончил босс.

* * *

Оглядевшись по сторонам, Борис чуть пригнулся, втиснулся в телефонную будку и набрал номер.

– Модельное ателье «Станислав», – услышал он. – Что вам угодно?

– Спасибо, обязательно передам. Станислав ждал вашего звонка.

– Костюмер ансамбля «Чардаш» вас беспокоит, – сказал Борис по-венгерски. – Здравствуйте. Передайте, пожалуйста, Станиславу, что мы подтверждаем заказ на три узкие блузки и две с удлиненными рукавами. Заберем их через два дня, ближе к вечеру.

За телефонной будкой и снующими мимо людьми внимательно следил прогуливающийся неподалеку Саша.

– Ну, что? – поинтересовался он.

– Все в порядке. Костюмы будут.

* * *

Выйдя в приемную, Дэвид махнул рукой Кэти и энергично зашагал по коридору. Кэти бежала следом, едва успевая за шефом и на ходу разворачивая блокнот.

– Записывайте, – бросил Дэвид через плечо. – Совещание через полчаса в моем кабинете. Вызовите ко мне Анастасию Шелепински, Тома Уортона и начальника службы безопасности Вилли Бона. Впрочем, нет, – резко остановился он, – Бона звать не надо.

К совещанию пусть подготовят все данные о подпольных крупных скупщиках алмазов! Мелкие нам не нужны. И – полнейшая секретность. Высшая степень секретности!

Через полчаса у входа в кабинет шефа Кэти смущенно отнимала у Насти и Тома блокноты и пейджеры.

– Ничего не могу поделать. – извинялась она. – Шеф объявил высшую степень секретности.

* * *

– Все-таки странные они, японцы. – не удержался от комментария Саша. – Совсем на нас не похожи.

Компания дружно засмеялась.

– Могу тебя заверить, Саня, что они думают о нас то же самое, – успокоил его Борис.

– Если вообще они о нас думают, – добавил Игорь.

– Думают, – заспорил Борис. – Еще как. Я там был, знаю. Как про Курилы вспомнят, так сразу про нас и думают.

Все опять дружно посмеялись.

Ночной клуб в центре Будапешта, в котором расположилась компания вроде бы старых закадычных друзей, был почти наполовину заполнен японскими туристами. Они восхищенно смотрели на сцену, где полуголые девицы изображали подобие балета на восточные темы. Скорее всего, это действо напоминало красивую жизнь в гареме под ритмичный аккомпанемент бубнов и экзотических струнных инструментов.

– Ну, ладно, японцев обсудили, – сменил тему Орел. – Перейдем к делу. Сегодня ночью мы с Игорем обследуем гостиницу, проверим все входы и выходы. Думаю, что лучше всего встречу с покупателем провести в холле нашего этажа.

– Уверен? – спросил Барс, разливая шампанское. – Там наверняка стоят камеры наблюдения. Может, лучше внизу, в фойе?

– А какая разница? – пожал плечами Орел. – Внизу тоже камеры. Зато с этажа в случае чего нам проще уходить. Там есть несколько выходов. И что эти камеры могут зафиксировать?

– Точно, – согласился Саша. – Я бы даже специально выбрал место, где есть камеры наблюдения. Но если есть сомнения, то к утру у меня уже будет схема видеоконтроля.

– А что эти камеры увидят? – включился Борис. – Ну, сидят интеллигентные люди, беседуют, подписывают контракт, обмениваются сувенирами.

– Ручками, например, – добавил Саша и выразительно посмотрел на Орла. Тот хлопнул себя по лбу, потом по карману, и с нарочитой торжественностью, не забыв при этом подмигнуть, вручил Саше авторучку.

– Что у нас со связью?

– Присмотрели мы уже один магазинчик радиодеталей неподалеку, – откликнулся Саша. – Утром куплю все, что надо, и за день спаяю. Времени хватит.

– Ну, давайте выпьем за встречу, – громко сказал Игорь и поднял бокал.

– Голосовать не будем, – хохотнул Борис.

Чокнувшись, Игорь тихо прибавил:

– В одной точке все не покупай. Подозрительно. Найди еще варианты.

Все дружно выпили и опять засмеялись.

– Борис, что с костюмами? – спросил Орел, кладя руку ему на плечо. – Уже примерил?

– Шьют пока. Через два дня будут готовы.

– Как договаривались?

– Точно так, – и добавил чуть слышно, – три «Узи» и два «ТТ» с глушителями. Завтра вечером мы с Геной подскочим и все заберем.

– Смело сказано, – высказался до сих пор молчавший Гена.

– А что? Есть проблемы?

– Да не могу пока найти чистую машину. В местных гаражах или один хлам, или с перебитыми номерами. А это ненужный риск. На новый автомобиль, естественно, денег нет.

– Ищи, Гена, ищи. Два дня тебе сроку, – отмерил Орел. – Думаю, нам нужен микроавтобус, что-то вроде ремонтного или продуктового. Если будет надпись на борту, то еще лучше.

– Костюмы лучше везти на другой машине, – осторожно предложил Игорь. – На какой-нибудь совсем неприметной и заезженной. Потом и выбросить ее будет не жалко.

– Что ж, это мысль, – одобрил Орел, отпихивая от себя назойливую девицу, норовившую усесться к нему на колени.

– Нехорошо так с девушками обращаться, – расправил свои широченные плечи Саша. – Чувствую, как во мне закипает мужчина.

– Перекипит, – остановил его Орел. – Девки-то наши, откуда-нибудь с Украины. Не заметил? Нам еще этого не хватало.

– Точно, – сообразил Саша. – А вырядились, точно из гарема.

– В общем, в четверг вечером встречаемся у меня в номере. А сейчас – свободны. Все понятно? Ну, а теперь, как говорится, на посошок.

Орел разлил остатки шампанского, ребята выпили и стали расходиться по одному под разочарованными взглядами танцовщиц.

Михаил отложил в сторону документы, встал из-за стола и прошелся по кабинету. Как ни странно, в последний месяц, несмотря на царящее вокруг всеобщее напряжение, у него появилось время почитать и подумать. Только теперь, досконально изучив все протоколы заседаний Политбюро и сравнив их с официальными постановлениями, Михаил понял окончательно, что шесть лет назад получил в свое распоряжение не страну, а кота в мешке. Причем кота, нанюхавшегося дешевой валерьянки.

Ошибки его предшественников громоздились одна на другую, плодились много лет подряд, пока окончательно не завели государство в тупик. Вместе с тем нельзя было сказать, что во всем виновата идеология, скорее глупость и упрямство. И лень, конечно. Никто не хотел ничего менять. Пригрелись. Инерция срабатывала. А кризис активно развивался еще с начала семидесятых. Просто не все это понимали и не хотели этого делать. Так удобнее было.

Американцы давно все сообразили. Судя по агентурным сообщениям, эмиссары Картера еще тогда активно поработали в Саудовской Аравии, Эмиратах и других нефтедобывающих странах Ближнего Востока. Они заставили выбросить на рынок огромное количество незапланированной нефти. В результате цена за баррель рухнула с двадцати трех до пяти долларов. А наши идиоты продолжали тратить валюту и золотой запас на закупку за границей штанов, косметики и корма для коров. Уму непостижимо! Специалисты подсчитали: если наладить выпуск всего этого барахла у нас, все раз в пять дешевле обошлось бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.